

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕКСТОЛОГИЯ, ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ, ГЕОГРАФИЯ И БИОГРАФИЯ

УДК 821.161.1-312.9

Миленко Виктория Дмитриевна
Кандидат филологических наук, доцент,
Гуманитарно-педагогический институт,
ФГАОУ «Севастопольский государственный университет»;
Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

«НЕЧТО ВРОДЕ ЛЕКЦИИ О ЮМОРЕ»: НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ А. Т. АВЕРЧЕНКО

Автор статьи публикует неизвестную рукопись лекции А. Т. Аверченко, содержащую размышления о природе сатиры и юмора, о чувстве юмора и его национальном своеобразии, а также оценку вклада журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» в развитие отечественной смеховой культуры. Опираясь на факты биографии писателя и материалы прессы, автор предпринимает попытку атрибуции рукописи, а также воссоздаёт атмосферу чтения лекции в севастопольском театре «Гнездо перелётных птиц» весной 1920 года.

Ключевые слова: автограф, архивная рукопись, архивный личный фонд, «Сатирикон», «Новый Сатирикон», писатели-сатириконцы, «Гнездо перелётных птиц», сатира, юмор.

Victoriya D. Milenko
PhD in Philology science, Associate Professor,
Institute of Educational and Humanities,
Sevastopol State University;
Russian Federation, Sevastopol

«SOMETHING LIKE A LECTURE ABOUT HUMOR»: THE UNKNOWN MANUSCRIPT OF A. T. AVERCHENKO

Abstract. *The author of the article publishes the unknown manuscript of the lecture by A. T. Averchenko, containing reflections about the nature of satire and humor, about the sense of humor and its national identity and also the assessment of the contribution of the journals «Satyricon» and «New Satyricon» to the development of Russian laughter culture. Based on the*

facts of the writer's biography and press materials, the author attempts to attribute the manuscript, and also recreates the atmosphere of lecturing in the Sevastopol theatre «The Nest of Migratory Birds» in the spring of 1920.

Key words: *autograph, archival manuscript, archival personal fund, «Satyricon», «New Satyricon», writers-satirikontsy, «The Nest of Migratory Birds», satire, humor.*

Для цитирования:

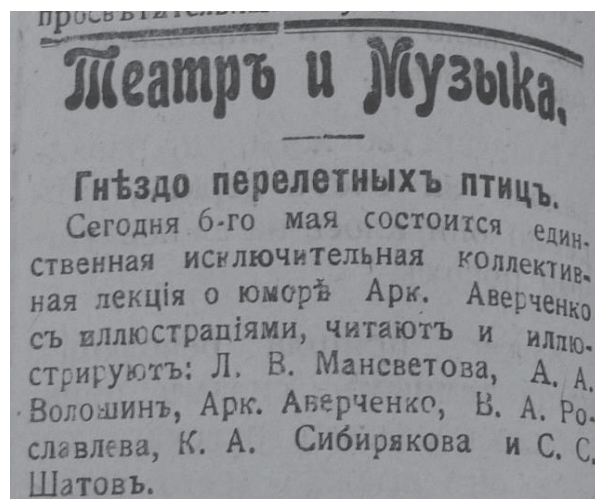
Миленко, В. Д. «Нечто вроде лекции о юморе»: неизвестная рукопись А. Т. Аверченко // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 48–63.

В личном фонде А. Т. Аверченко в Российском государственном архиве литературы и искусства хранится автограф, озаглавленный «Нечто вроде лекции о юморе». В этом документе писатель рассуждает о природе юмора, чувстве юмора и его национальном своеобразии, бедности русской смеховой литературы до появления журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», скорбит о гибели юмора после Октября. Последнее обстоятельство объясняет включение рукописи в опись № 2, в число антисоветских произведений Аверченко, находившихся на спецхранении до 1996 года.

Содержание рукописи представляет несомненную историко-литературную ценность. Авторское понимание закономерностей появления и причин популярности «Сатирикона», оценка им коллег-сатириков чрезвычайно важны для исследования этого феномена Серебряного века. Интересны также восхищённые, глубоко лирические отзывы Аверченко о творчестве А. П. Чехова и особенно Н. В. Гоголя, чьи книги писатель называет «русским Евангелием».

Документ не датирован, однако атрибутировать его возможно. Историко-биографические детали указывают на 1920 год: Аверченко сетует на то, что книги сатириков не выходят уже два года. «Новый Сатирикон» был запрещён в июле 1918 года, вместе с ним приостановилась издательская деятельность одноимённого торгового дома.

Весь 1920 год, до эвакуации 13 ноября вместе с Русской армией генерала П. Н. Врангеля, писатель прожил в родном Севастополе. Именно в севастопольской прессе обнаруживаются данные о лекции. В 107 номере газеты «Вечернее слово» за 6 мая 1920 года был помещён анонс мероприятия в театре «Гнездо перелётных птиц»: «Сегодня 6 мая состоится единственная

Анонс лекции о юморе.
«Вечернее слово» № 107 от 6 мая 1920 г.

исключительная коллективная лекция о юморе Арк. Аверченко с иллюстрациями, читают и иллюстрируют: Л. В. Мансветова, А. А. Волошин, Арк. Аверченко, В. А. Рославлева, К. А. Сибирякова и С. С. Шатов»¹. В рукописи упоминаются и Волошин, и Мансветова, и Шатов, что подтверждает правильность нашей датировки.

Следовательно, рукопись «Нечто вроде лекции о юморе» создана не позднее 6 мая 1920 года. Что касается адресатов лекции, посетителей «Гнезда перелётных птиц»² — это была публика разная и не всегда образованная. Люди приходили в театр-кабаре за развлечениями;

Аверченко это понимал. Его лекция далека от академизма, политические выпады хотя и резки, но малочисленны. Для зрелищности использовались «иллюстрации» — актёры разыгрывали одноактные пьесы Аверченко; было и музыкальное

Здание, в котором работал театр «Гнездо перелётных птиц». Фотооткрытка 1930-х гг.

сопровождение. Среди тех, кто помогал писателю 6 мая 1920 года, оказались большие мастера сцены. Например, Лидия Васильевна Мансветова, что вскоре эмигрировала в Королевство сербов, хорватов и словенцев и сделала там блестящую актёрскую и режиссёрскую карьеру. Или Александр Александрович Волошин, приятель Аверченко, ставший известным актёром Голливуда.

К 1920 году в рукописи относится основной текст, написанный чёрными чернилами. Однако он имеет следы двойной авторской правки³: простым карандашом и синими чернилами. Первую, карандашную правку также относим к 1920 году: в одной из корректив автор сообщает, что находится в Севастополе. Вторая правка появилась не ранее конца августа-сентября 1921 года, так как содержит данные о расстреле Н. С. Гумилёва. Вероятнее всего, Аверченко планировал повторить лекцию в том же «Гнезде перелётных птиц», возрождённом в Константинополе. Точнее сказать не берёмся: данными о чтении этой лекции писателем в эмигрантские годы не располагаем.

Рукопись печатается по автографу (Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 1—20). В квадратных скобках приводится авторская правка: под цифрой 1 — карандашная, 2 — синими чернилами. В угловых скобках — конъектуры публикатора. Авторские подчёркивания, пунктуация и орфография сохранены.

¹ 16 мая 1920 г. севастопольская газета «Юг России» (№ 39 (232)) сообщила, что лекция Аверченко о юморе прошла с успехом, и автор прочтёт следующую — «О Турции, с иллюстрациями».

² Театр был открыт Аркадием Аверченко в апреле 1920 года в подвале дома по ул. Екатерининской, 8 (сегодня ул. Ленина, 4).

³ Правку теми же чёрными чернилами считаем частью основного, первоначального текста.

А. Т. Аверченко

Нечто вроде лекции О юморе⁴

1[Я, господа, очень смущён, выступая в первый раз в жизни — с лекцией да ещё на такую тему — как юмор. Рассказывать мне об юморе это всё равно что любящему мужу разоблачать перед посторонними свою интимную жизнь с любимой женой].

Юмор — это дар Богов.

Самое замечательное, что даром этим награждаются люди лишь со спокойной совестью и чистым сердцем... Чувство юмора никогда не может быть свойственно поджигателю или убийце — прикончившему даже самую небольшую семью...

Из этого видно, что юмор — одно из самых положительных, одно из самых благородных свойств человека.

Определить — что такое юмор? — чрезвычайно трудно.

Сатира поддаётся определению гораздо легче, и нынче любой гимназист третьего класса так ловко и быстро отхватывает вам точное определение сатиры, 2[будто опытный барабанщик вечернюю зорю! Вот какая простая штука — сатира!].

А юмор... чёрт его знает, что оно такое!..

Будь он ещё полезен, а то ведь одно из главных свойств юмора — именно его беспредметность, его бесполезность, бесцельность, ненужность... А, впрочем, он, может быть, потому так и прекрасен, так и нравится людям, что из него шубы не сошьёшь и супу не сварить.

Так же бесполезен, и душистый цветок в хрустальной вазе, так же бесполезен и бриллиант, сверкающий в мочке уха красавицы — почему же и то и другое так восхищает нас?

Юмор душист, как цветок, и сверкающ, как бриллиант... Он ласкает слух, как хорошая игра на скрипке и поднимает настроение, подобно эфиру или кокаину, но безо всяких дурных последствий, безо всякого осадка...

— Позвольте, — возразите вы. — Что вы там расхваливаете юмор, как цыган лошадь?! Вы лучше определите нам — что такое юмор?

Что такое юмор?..

Юмор — это <прежде всего> неожиданность!

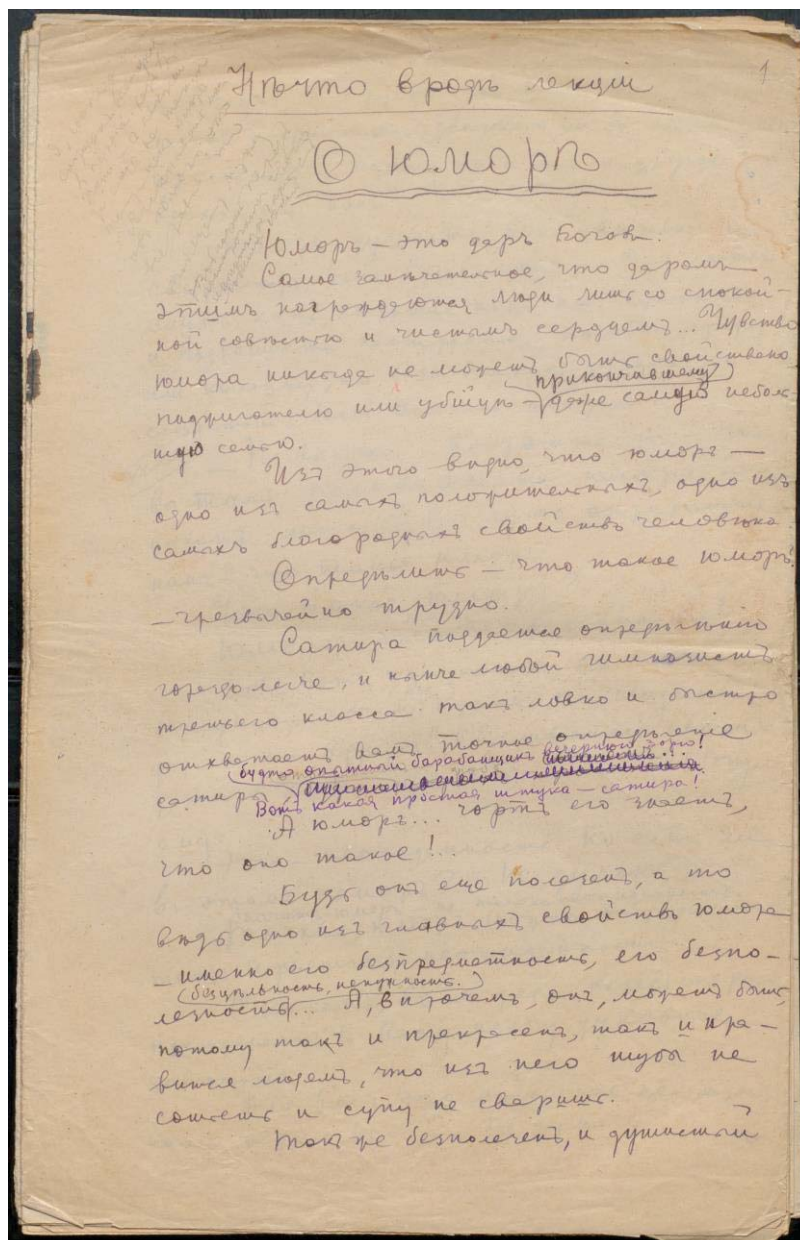
---

⁴ Для цитирования: Аверченко, А. Т. Нечто вроде лекции о юморе [Текст] / Публикация, вступ. статья и примечания В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 51–63.

Гм!.. Вот, например, тёмной безлунной ночью вы идёте по гладкой дороге и — вдруг!! Сваливаетесь неожиданно в вырытую кем-то глубокую яму.

Это — неожиданность. Но есть ли в этом юмор?.. Не думаю.

Значит, юмор — не только неожиданность...

Титульный лист рукописи А. Т. Аверченко «Нечто вроде лекции о юморе».
РГАЛИ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 1. Публикуется впервые.

Точнее, юмор можно определить так: приятная неожиданность.

Скажем, вот: дядя перед смертью составляет в вашу пользу духовное завещание.

Для вас это приятная неожиданность, а для него?.. Не думаю.

Это не юмор, когда одному хорошо только потому, что другой должен протянуть ноги... Приятная неожиданность для одного — неприятная ожиданность для другого.

Тогда определим юмор так: юмором называется приятная неожиданность, от которой всем хорошо и которая вызывает смех...

Здесь — 12 слов.

Если кто-нибудь управится с этим определением в пяти-шести словах — поздравляю его!.. Пожалуйста!

***

К пониманию юмора нужен известный вкус, склонность — более того талант. Это также от Бога, как хороший слух... 2[Все животные не понимают юмора и только два сорта умнейших из них: слон и соб.<ака> иногда улыбаются].

Мне приходилось сталкиваться с людьми, в которых человеческого было только анатомическое строение тела и членораздельная речь. В остальном же — это были не люди, потому что они не понимали юмора...

Один такой 2[не пох.<ожий> ни на сл.<она> ни на с.<обаку>] просил меня:

– Расскажите что-нибудь смешное! Говорят — вы мастер на это¹.

– Извольте. На берегу реки стоит человек с удочкой в руке... Вдруг подбегает сторож... «Эй! — кричит сторож. — Разве ты не знаешь, что тут нельзя удить рыбу?». Незнакомец поднял голову и, сплюнув в сторону, ответил очень хладнокровно: «Я и не ужу рыбу!». — «А что ж ты 2[тут] делаешь?». — «Учу червячка плавать...».

Кончив эту маленькую историю, я надеялся хоть на какой-нибудь знак внимания со стороны слушателя... Вместо этого, он поднял на меня вялые, сонные глаза и спросил:

– Ну?..

– Что «ну»?

– Что ж ему сторож 2[после этого] сделал?

– (Вздых) Ничего!!

– Неужели, он, действительно, учил червяка плавать?

– Нет!! Он удил рыбу.

– Я тоже так думаю. А сторож, по-моему, дурак... Раз человек стоит с удочкой в руке — какие могут быть отговорки? Взял бы за шиворот да и отвёл в участок. (Пауза). Что ж он, всё-таки, много рыбы наловил?

– А чёрт его знает!

– Да... Грустно, грустно... Это где было-то? На какой реке?

– На Днепре!!!

– А разве там, серьёзно, нельзя ловить рыбу? 2[Грустно, грустно... Вообще, знаете, нужно много терпения, чтобы удить рыбу. (Во всяком случае меньше терпения, чем с тобой, дураком, разгов.<аривать>, — подумал я)].

Этот же господин показывал однажды своей жене только что купленные им дрянные карманные часы.

– Знаешь что? — иронически сказала жена. — Приделай к этим часам ручку...

– Зачем?

– И выбрось их.

– Почему? Я их лучше кому-нибудь продам. А зачем ты говоришь, чтобы ручку приделать?

– Чтоб удобнее было выбросить...

– Да для чего же ручка, всё-таки? Что ж, если бы я, действительно, захотел их выбросить — разве без ручки нельзя этого сделать?..

– Ну, поехал!..

– Да, действительно... Стоит ли стараться, приделывать ручку — и для чего? Только для того, чтобы выбросить. Вот она, ваша женская логика!

И он же ещё, этот каналья, этот мешок с отрубями — сожалительно покачал головой по адресу жены и, мне кажется, даже в этот момент втайне немного презирал её!

Правда, она тоже не осталась в долгу — в том же месяце изменила ему!

Вот, господа, как ужасно не иметь чувства юмора!

Кстати, могу категорически удостоверить, что теперешний глава Советской России — Владимир Ильич Ленин — совершенно не понимает, что такое юмор и почему люди, вообще, смеются!.. Это один из самых сухих, педантичных и угрюмо-мрачных людей, которых мне приходилось когда-либо встречать². Например, мой журнал «Сатирикон» он закрыл³ не потому, что там печатались против него насмешливые и жестокие выпады, а, как он сам говорил: «За полной бесполезностью этого журнала».

Если бы изо всех номеров «Сатирикона» можно было свить верёвку и повесить на ней хоть одного контрреволюционера, я уверен, что «Сатирикон» был бы Лениным признан, как учреждение, самое полезное для блага 2[планетарной] революции!..

А у других людей, наоборот, чувство юмора не только проявляется часто, но проявляется даже в самые неподходящие моменты.

В особенности, этим свойством страдает ваш покорнейший слуга...

Вот вам иллюстрация:

Несколько лет тому назад один приятель учил меня ездить на своём велосипеде. Усадив, он бережно поддерживал меня за талию, но я, будучи по природе полон отваги и предприимчивости, вырвался от него, пролетел 2[как

стрела, как] птица, шагов пятьдесят и, налетев на куст, росший у края оврага — вместе с машиной покотился вниз по крутому откосу.

Лежу, разбитый вдребезги, а сверху вижу склонённую фигуру моего обеспокоенного, испуганного приятеля.

Вам, впрочем, известно, что для настоящего 2[спортсмена-] велосипедиста самое ценное — не целостность жизни друга, а целостность велосипеда, а в велосипеде самое ценное и хрупкое — рама.

Итак, склонившись над пропастью, приятель мой трепетным, замирающим голосом спрашивает:

– Рама-то... Рама цела?

И пролепетал я снизу, сплёвывая кровь из разбитой губы:

– Рама цела. Портрет вдребезги.

***

Существует определённая скала юмора от самого тонкого, благоуханного, до грубого, примитивного и жёсткого, как кожа старого носорога.

Самый примитивный, дикариный юмор, это юмор кинематографический...

Вспомните, сколько лет подряд кинематографчики кормили нас такими тонкими штучками: идёт баба с корзинкой яиц, на неё налетает близорукий господин, сбивает с ног. На эту кучу набегает и спотыкается старая дама, воскресный охотник, 2[рыболов], и мальчишка из булочной с пирожными. И все начинают гнаться за близоруким господином. Он лезет через забор — все лезут через забор, он вскакивает в трамвай — все вскакивают в трамвай, он бросается в реку, все бросаются в реку... Поймав — бьют его!

Поистине — вот самый типичный юмор для дураков!

Сотни тысяч метров изводились на то, что изображался солдат, попавший в барабан (?) и застрявший там... Хороший тон кинематографа требовал, чтобы барабанщик бил того солдата по голове палками. Или показывали свадебный обед, участникам которого шутник насыпает за ворот «порошок для чесания». В другом месте, молодой господин, объясняясь в любви невесте, вдруг начинал, бегая по комнате, ловить 2[укусившую его блоху] для какой-то цели раздевался догола!.. Или пьяного человека зашили, по ошибке (хороша ошибка?..) в матрац — и вот по улице катится живой матрац, наталкиваясь на прохожих. Как в старом романе, где конец, обязательно — брак, так в кинемо-юмореске в конце — шутника бьют...

Недалеко от кинематографа ушёл юмор французского фарса.

Элементы его: блудливый старый дядюшка, 2[дама полусвета]⁴, бонвиван племянник, добродетельная дочь дядюшки, комическая старуха жена, в третьем акте — полицейский комиссариат. Начинается тем, что

дядюшка приезжает из провинции к племяннику, тот в растерянности выдаёт присутствующую 2[в его квартире даму 1/2 света] за свою жену, после чего дядюшка убегает в шантан... Второй акт — комната 2[дамы полусвета], кровать. Все — дядюшка, племянник, дочь дядюшки, неизвестный старик 2[и дама полусвета] — раздеваются до белья и ложатся — кто на кровать, кто под кровать. Прибегает старая жена дядюшки — бьёт кое-кого по физиономии, кое-кого — целует.

Третий акт — в участке, где разобрал всё дело, французский околоточный женит племянника на дочери дядюшки, и все пляшут канкан... Дочь — с племянником, дядя — 2[с дамой полусвета], тётя — с околоточным.

Невыскательные зрители хватаются за животики — отчасти от смеха, отчасти из опасения, не срезал ли 2[весёлый] сосед по креслу золотые часы?..

***

Русский юмор гораздо тоньше и глубже, но и мы после Гоголя — долго брели по выжженной солнцем унылой полосе, где не было ни настоящего смеха, ни настоящей радости — пока не добрались до Антона Чехова.

Но и Чехов — чудесно сверкнув на солнце, словно золотая рыбка, выпрыгнувшая из стоячей воды — опять скрылся в глубь печальных тёмных вод — и не смех, а 2[грусть] и тихая жалоба робко зарокотала на струнах его кроткой тихой арфы.

А в это время царили бесконкурентно и безраздельно — по всему пространству матушки Руси — Лейкин⁵ и Мясницкий⁶ — два московских мага и чародея, на которых воспитывались отцы и матери наши, да даже кое-кто и из нас в детстве.

И ведь, представьте, казалось смешно! Вызывало улыбку!! Впрочем, тогда вызывали улыбку и остроты «Стрекозы»⁷ и «Будильника»⁸, в которых после ухода Чехова, самыми желанными юмористами были 2[кладбищенские сторожа и аптекарские мальчики], а самыми тонкими остротами считались такие:

На катке:

– Барышня, позвольте вам предложить руку...

– Ах, ах... Поговорите с мамашей.

Или:

– Что это не видно Иван Иваныча.

– У него семейное горе.

– Что такое?

– Тёща приехала...

Это было время, когда журнал с пятитысячным тиражом имел розницу в 150—200 номеров на всю Россию.

А подписчиками были — парикмахерские, рестораны и портерные.

Революция 1905 года немного встряхнула русский юмор и сатиру, но уже к 1908 году, снова во всех «Шутах»⁹, «Осколках»¹⁰, «Стрекозах» и «Будильниках» началось унылое пережёвывание Лейкинской и Мясницкой жвачки для портерных¹¹ и цирюлен...

***

И в это время, в декабре 1908 года¹² южный поезд, которому решительно было всё равно — кого тащить на себе — привёз в суровый Петербург молодого 25-летнего¹³ провинциала, прибывшего с огромным багажом чисто южной жизнерадостности и с маленьким узелком белья и десятка книг.

Вот буквальный разговор между застенчивым приезжим и издателем журнала «Стрекоза» Мих. Герм. Корнфельдом¹⁴.

– Зачем вы приехали в Петербург?

– Меня в Харькове со службы уволили. Я был плохим служащим и прекрасным лентяем. Последнее время я буквально умирал с голоду.

– А что вы будете делать в Петербурге?

– Если ничего лучшего не встретится — тоже буду умирать с голоду. Лучше уж здесь, чем там.

Пауза.

– Как вам нравится наш журнал «Стрекоза»?

– Не особенно. Ему не хватает двух вещей.

– Именно?

– Другого названия и меня.

– Чем же название 2[«Стрекоза»] не нравится? Этому названию 35 лет.

– 2[Названию] «чума» тысяча лет, а никто от этого удовольствия не получает. Наоборот: все от чумы шарахаются. Так же всякий развитой человек шарахается и от «Стрекозы». Все привыкли к тому, что ваш журнал только и издаётся исключительно для портерных и парикмахерских.

– Что же мне делать?

– Измените название журнала и возьмите меня. Если ничего из того и другого не получится — через три месяца прогоните меня и вернитесь к старому названию.

Издатель задумчиво пососал кончик карандаша и — согласился!

Так — маленькие разговоры кончаются большими делами.

Через две недели вышел первый номер журнала «Сатириконт»¹⁵, через три недели застенчивый приезжий провинциал был секретарём журнала, а через месяц 2[застенчивый приезжий] сделался главным и неограниченным редактором¹⁶.

Новый журнал раскрутился, по своеобразному выражению издателя, как булка, а подписчики, вначале удивленные тем, что вместо привычной 2[старой] «Стрекозы» получают 1[какой-то дикий бешенный] диковинный «Сатирикон» — к концу года привыкли и автоматически возобновили подписку¹⁷...

Собственно, моя скромность должна бы обязать меня скрыть — кто был приезжий застенчивый провинциал, но т. к. всё мною рассказанное имеет уже десятилетнюю давность, так как это уже история, то позвольте быть нескромным...

Застенчивый приезжий провинциал — был я!!

Только давайте, господа, прежде всего условимся: я категорически заявляю, что не хочу, ни в коем случае не хочу — одному себе приписывать успех «Сатирикона», и вы, пожалуйста, тоже этого не думайте. Иначе это свяжет и меня, и вас.

С чувством гордости и тихого умиления могу сказать: успех «Сатирикона» — это успех каждого отдельного сотрудника и всех вместе! Успех его был в непрерывном горении творчества всех писателей и художников «Сат.<ирикона>», в горячей любви к русской литературе и 2[к русскому] искусству.

Сатириконцы непрерывно кипели в горячке коллективного творчества, как в котле. Они сделали из «Сатирикона» маяк, на приветливый огонёк которого слетались многие неведомые, чьё имя потом сверкало ясной звёздочкой.

Моими товарищами по работе, ближайшими сотрудниками были: Тэффи¹⁸, Арк. Бухов¹⁹, Саша Чёрный²⁰, художники Радаков²¹, Юнгер²², изумительный художник-график и живописец Александр Яковлев²³, темпераментный, яркий, неожиданный, как ракета, карикатурист Ре-Ми²⁴ — с такой блестящей гвардией можно было завоевать не только Россию, но и весь мир.

Никто иной, как мои товарищи сатириконцы, подняли упавший, скитавшийся до того по задворкам портерных 2[русский] юмор — на недостижимую высоту!

Был период (до нашей горе-революции), когда слово «Сатирикон» стало нарицательным, когда наши политические карикатуры и остроты цитировали с трибуны не только Госуд.<арственной> Думы, но даже солидные престарелые члены Государственного Совета, отвечая интерpellянтам на сухой деловой вопрос! 2[В Госуд.<арственном> Совете цитировали подписи под нашими кар.<икатурами>].

Не за себя, а за своих товарищей могу я с гордостью ответить, что от «Сатирикона» началась блестящая страница возрождения русского юмора.

Мы проявили неслыханную деятельность. Еженедельно десятки тысяч нашего журнала птицами разлетались по всей России и Сибири, чуть не ежедневно выходили новые издания наших книг — сатириконцы смехом засыпали Россию! Большие книги мы выбрасывали на рынок сотнями тысяч, а дешёвую библиотеку²⁵, по нашей терминологии — «семечки» — печатали буквально миллионами. 2[Мы сочиняли новую всемирную историю²⁶, новую географию²⁷, энцикл.<лопедические> словари²⁸. Наши книги] переводили на все европейские и даже два азиатских языка, мы написали десятки пьес, открыли два театра смеха, у нас был огромный книжный склад, большая собственная типография, агентурные конторы по всей России...

Но пришли большевики и — где это всё?

Тэффи — в Париже²⁹, Сашу Чёрного, по слухам, расстреляли 2[Чёрный в Берлине³⁰, Гумилева расстреляли], Ре-Ми скрывался где-то на юге 2[и только недавно вынырнул в Париже]³¹, Радаков голодает в Петербурге³², Александр Яковлев 2[этим размахом чёртова колеса был забр.<ошен>] — в Японии³³ и только два бывших сатириконца³⁴, два ренегата, память о которых я хотел бы вырвать из дорогих нашему сердцу страниц журнала — два наших бывших сотрудника блаженствуют под эгидой и попечительством 2[Льва] Троцкого и 2[Анатолия] Луначарского.

Нас, сатириконцев, переводили на все европейские языки и теперь наши книги тоже есть на всех европейских языках, кроме одного — русского!

1[Последние 2 года наших книг на русском языке нет³⁵. Я — в Севаст.<ополе>, Тэффи в Париже и даже <2 сл. нрзб. >].

Пришла кучка беззастенчивых негодяев и, задушив всю Россию, задушила заодно и русский юмор — кость от кости и плоть от плоти русского народа.

Когда мы были в России — вся Россия смеялась, потому что жизнь — есть смех и творчество. Теперь — разве Петербург смеётся? Разве Москва смеётся? Рубиновые, кровавые слёзы сливаются в широкие ручьи, и вся Россия залита ими.

Убийцы сами не умеют смеяться и не переносят чужого смеха. Вопреки пословице, они захватили квартиру повешенного или, и у них только и разговору что о верёвке!

Это — юмор висельника, это хриплый смех палача, это весёлое карканье воронья над полусгнившим трупом!

2[Но, господа, после смерти наступит воскресенье, а всякое воскресенье это — радость, это праздник, улыбка и смех.

Кровь высохнет, рыдания утихнут, и снова миллионами весенних дождевых капель засверкает на родимых клейких листочках — русская улыбка, русский светлый юмор!].

***

Впрочем, что же это я, господа... Это не лекция о юморе, а похоронный марш Шопена.

Прошу прощения.

***

Все мы, господа, собравшиеся здесь — люди со спокойной совестью, значит, нечто вроде взрослых детей, а дети 1[как известно] любят, чтобы «книжка была с картинками».

Поэтому, разрешите мне иллюстрировать мою лекцию рядом таких картинок, где, вместо сухой классификации юмора — будет живое его воплощение в слове...

Первая картинка, это — еврейский юмор...

Я отвожу еврею в русском юморе очень почётное место, начиная от симпатичного гоголевского Янкеля в «Тарасе Бульбе»³⁶, до... вплоть до рассказов нашего талантливой темпераментного Волошина³⁷, вплоть до знаменитого, так называемого «еврейского анекдота»!

Всякий анекдот, а тем более еврейский должен быть краток, рельефен и душист³⁸, в его нескольких словах должна зачастую заключаться целая драма, поэма или роман.

Вот вам, наудачу два еврейских анекдота:

Первый — разговор по телефону:

– Соломон Абрамыч! Поздравьте: у моей жены родился ребёнок!

– А-а... Поздравляю, поздравляю... Слушайте, а кто отец?

– Что вы спрашиваете? Что вы спрашиваете, идиёт паршивый?!!

– Чего вы ругаетесь? Я только так спросил. Я думал — вы знаете.

И второй анекдот из 15 слов, но в котором целая огромная драма загнанного, униженного мужа.

– Слушайте, Мойша! Это прямо таки неудобно: весь город говорит, что Соловейчик живёт с вашей женой...

– Подумаешь, какое счастье: захочу — я тоже буду жить с ней!

По вашим лицам я вижу, что еврейский юмор вам, как и мне — очень по душе, поэтому первой иллюстрацией к своей «лекции о юморе» я покажу мой диалог «Рыцарь индустрии» — это крохотная пьеска, шедшая в России буквально тысячи раз³⁹!.. Я не мог удержаться от соблазна показать вам её, потому что у нас на роль коммивояжёра Цацкина есть такой ценный актёр, как Волошин!.. Роль хозяина в руках опытного столичного актёра Шатова⁴⁰.

Итак — первая иллюстрация — диалог Арк. Аверченко «Рыцарь индустрии».

***

Вторая моя иллюстрация это — вековая, неиссякаемая тема о взбалмошной женщине, скажу более — о глупой женщине.

Должен оговориться: когда глуп мужчина — это грубо, некрасиво и отталкивает, но глупая молодая женщина — это так изящно, так очаровательно, как яркоцветный цветок с сильным запахом!..

Диалог называется: «Птичья головка»⁴¹ — написан он мной специально для этой лекции о юморе, как легкомысленная иллюстрация к серьёзной книжке.

Роль жены — в руках нашей очаровательной малиновки гнезда — Л. В. Мансветовой⁴².

Роль мужа исполнит дрозд-пересмешник Арк. Аверченко!⁴³

***

Третьей и последней иллюстрацией я преподношу, на закуску, как некий душистый плод, как драгоценный сосуд, наполненный дорогим старым вином — преподношу отрывок из Гоголя — «Мёртвые души» — разговор дамы просто приятной и дамы приятной во всех отношениях.

Ах, господа! У всех народов мира есть одна книга — утешительница и целительница скорби — святое Евангелие Я не кощунствую, если скажу, что кроме этого общего Евангелия, у нас 1[русских] есть своё русское Евангелие, где мы можем всегда почерпнуть бодрость, веселье, смех, утешение и веру в будущее... Это — Гоголь.

В минуты тоски, сомнения и уныния, я открываю эти ароматные страницы и с них льётся в измученную душу ласка, утешение и целый океан любви к нашей измученной Руси...

Как и в Евангелии, мы у Гоголя можем на всё найти ответ.

Вот, например, я недавно перелистывал его и стал выбирать места, подходящие к нашему времени. Посмотрите, что получилось⁴⁴.

---

¹ Аверченко варьирует ситуацию, намеченную в его рассказе «Юмор для дураков» (1913).

² О личной встрече писателя с В. И. Лениным ничего не известно. Об их заочной полемике см.: Хлебникова, А. Е., Миленко В. Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918–1925). М.: Дмитрий Сечин, 2013. С. 301–306.

³ Журнал «Новый Сатирик» был закрыт 18 июля 1918 г. (см.: Аверченко Аркадий. Безглазое, безротое лицо // Юг России. 1920. 21 июля (3 августа)).

⁴ Здесь и ниже «дама полусвета» заменяет вычеркнутое «кокетка».

⁵ Лейкин Николай Александрович (1841–1906) — русский писатель и журналист. В 1882–1906 гг. издавал юмористический еженедельник «Осколки», с которым сотрудничал

А. П. Чехов. Фамилия Лейкина стала символом обильной, низкопробной юмористики. Аверченко ошибочно называет его «московским»: Лейкин работал в Санкт-Петербурге.

⁶ Мясницкий Иван Ильич (наст. фам. Барышев, 1852–1911) — русский писатель-сатирик и фарсовый драматург. Прослыл «московским Лейкиным».

⁷ «Стрекоза» — петербургский сатирико-юмористический еженедельник (1875–1908). Был первым местом службы Аверченко в столице; при участии писателя в апреле 1908 года реорганизован в журнал «Сатирикон».

⁸ «Будильник» — сатирико-юмористический еженедельник, издававшийся в 1865–1871 гг. в Санкт-Петербурге, в 1873–1917 — в Москве.

⁹ «Шут» — сатирико-юмористический еженедельник, издававшийся в 1879–1914 гг. в Санкт-Петербурге.

¹⁰ См. *Лейкин*.

¹¹ Портерная (устар.) — пивная.

¹² Явная описка. Нужно: в декабре 1907 г. См.: «В декабре 1907 г. ко мне явился один малоизвестный господин и предложил ехать с ним в П<етер>бург, обещая мне комнату на один месяц и содержание, и уверял, что скоро я выбьюсь. 24 декабря я приехал с ним в Петербург» (А. Т. Аверченко. Автобиография / Публ. А. Д. Алексеева // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л.: Наука, Ленинградское отд-е, 1976. С. 155).

¹³ На самом деле в декабре 1907 года Аркадию Аверченко было 27 лет.

¹⁴ Корнфельд Михаил Германович (1884–1973) — издатель журнала «Стрекоза» в 1904–1908 гг., «Сатирикона» — в 1908–1914 гг. Эмигрант. См.: Корнфельд, М. Г. Воспоминания / Публ. Л. А. Спиридоновой // Вопросы литературы. 1990. № 2. С. 268–280.

¹⁵ Первый номер журнала «Сатирикон» вышел 1 (13) апреля 1908 года.

¹⁶ Аверченко стал редактором «Сатирикона» с № 9 (июнь) за 1908 год.

¹⁷ См. также: Аверченко. Мы за пять лет // Новый Сатирикон. 1913. № 28.

¹⁸ Тэффи (наст. имя: Надежда Александровна Лохвицкая, 1872–1952) — русская писательница, автор сатирико-юмористической прозы. Печаталась в «Сатириконе», позднее в «Новом Сатириконе» в 1908–1918 гг.

¹⁹ Бухов Аркадий Сергеевич (1889–1937) — русский писатель-юморист. Близкий друг Аркадия Аверченко.

²⁰ Саша Чёрный (наст. имя Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) — поэт-сатирик, детский писатель. Работал в «Сатириконе» в 1908–1911 г. Эмигрант. О его сотрудничестве с Аверченко см.: Миленко, В. Д. Саша Чёрный: Печальный рыцарь смеха. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 77–151.

²¹ Радаков Алексей Александрович (1877–1942) — русский и советский художник-карикатурист, плакатист, живописец, иллюстратор. Ведущий художник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». Близкий друг Аркадия Аверченко.

²² Юнгер Александр Александрович (1883–1948) — русский и советский художник-график; архитектор.

²³ Яковлев Александр Евгеньевич (1887–1938) — русский живописец и график. Эмигрант.

²⁴ Ре-Ми (наст. имя Николай Владимирович Ремизов-Васильев, 1887–1975) — русский художник-карикатурист, плакатист, иллюстратор. Ведущий художник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона». Близкий друг Аркадия Аверченко. См.: Вульфина, Л. Неизвестный Ре-Ми: Художник Николай Ремизов. Жизнь, творчество, судьба. М.: Кучково поле, 2017. С. 12–76.

²⁵ Дешёвая юмористическая библиотека «Сатирикона» — серия книг карманного формата и малого объёма (1910–1913).

²⁶ «Всеобщая история, обработанная “Сатириконом”» (1910).

²⁷ «Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (1911).

²⁸ «Энциклопедический словарь» — вторая часть коллективного сборника «Вестник знания “Нового Сатирикона”» (1917).

²⁹ Тэффи приехала в Париж в 1920 году. В архиве А. Т. Аверченко в РГАЛИ представлено её письмо из Парижа за 1920 год. (Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 1). Опубликовано: Миленко, В. Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 208.

³⁰ Саша Чёрный приехал в Берлин весной 1920 года.

³¹ Ре-Ми пережил Гражданскую войну в Херсоне и Одессе; летом 1920 г. прибыл в Париж.

³² А. А. Радаков остался в Советской России.

³³ А. Е. Яковлев в 1917 году на стипендию Академии художеств выехал в командировку на Дальний Восток. Посетил Монголию, Китай, Японию. Там узнал о революционных событиях в России; не вернулся.

³⁴ Аверченко имеет в виду В. В. Князева и О. Л. Д’Ора (И. Л. Оршера), сотрудничавших с большевистской печатью.

³⁵ Книги Аверченко на русском языке выйдут вскоре после написания лекции. В июне 1920 г. — «Дюжина ножей в спину революции» (Симферополь: «Таврический голос»), в сентябре 1920 г. — «Нечистая сила» (Севастополь: «Новый Сатирикон»). Финансовую поддержку окажет штаб Русской армии генерала П. Н. Врангеля.

³⁶ Предприимчивый еврей, торговавший в предместье Запорожской Сечи.

³⁷ Волошин Александр Александрович (1892–1960) — актёр, литератор, участник Белого движения. Эмигрант. Автор мемуаров «На путях и перепутьях» (Сан-Франциско, 1953).

³⁸ Размышления о природе анекдота писатель продолжит в юмористическом эссе «Искусство рассказывать анекдоты», где вновь приведёт анекдот о Мойше и его жене. Эссе вошло в сборник «Пантеон советов молодым людям, или Вернейшие способы, как иметь успех в жизни» (1924).

³⁹ Инсценированный одноимённый рассказ Аверченко 1909 года. Одноактная пьеса впервые была опубликована в сборнике писателя «8 одноактных пьес и инсценированных рассказов» (1911).

⁴⁰ Личность установить не удалось.

⁴¹ Писатель лукавит. На самом деле он изменил название старой одноактной пьесы «Когда женщина захочет», опубликованной в его сборнике «Без суфлёра. Пьесы и монологи» (1916). Под названием «Птичья головка» пьеса была опубликована в сборнике эмигрантского периода «Чудаки на подмостках. Новая книга пьес и скетчей для сцены и чтения» (1924).

⁴² Мансветова Лидия Васильевна (? – 1963) — театральная актриса. До революции служила в харьковской труппе Н. Н. Синельникова, затем в одесской труппе А. Т. Сибирякова, ставшего её мужем. С 1920 года — в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). Стала первой русской актрисой в труппе Белградского Народного театра. Играла на сербском языке. Успешно пробовала себя в режиссуре.

⁴³ В беженские и эмигрантские годы Аркадий Аверченко вынужденно стал актёром, но играл только в собственных пьесах. См.: Хлебникова, А. Е., Миленко В. Д. Беженские и эмигрантские годы Аркадия Аверченко (1918–1925). М.: Дмитрий Сечин, 2013.

⁴⁴ Финальные 4 абзаца являются вольной цитатой из фельетона Аверченко «Дядя Митяй и дядя Минай», впервые опубликованного в симферопольской газете «Таврический голос» № 123 (273) за 25 декабря 1919 года (7 января 1920 года). Вероятнее всего, после фразы «Посмотрите, что получилось» писатель полностью зачитывал фельетон, поэтому рукопись выглядит оборванной. Вероятно и то, что он мог зачитывать фельетон «Николай Васильич уходит...», опубликованный в севастопольской газете «Юг» № 90 за 13 ноября 1919 года. В фельетоне обильно цитировалась поэма «Мёртвые души» Гоголя.